

АКТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТРАСЛЕВЫХ ПОЛИТИК THE POLICY ANALISYS

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-917-927
EDN: VORMCO

Научная статья / Research article

От дистанционного национализма к экономическому: диаспоральная политика Индии

И.Д. Лошкарёв , А.О. Белякова , Т.С. Саакян

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*
 ivan1loshkariov@gmail.com

Аннотация. Опираясь на обширный и недостаточно изученный в российском академическом поле эмпирический материал по диаспоральной политике Индии, авторы исследования дополняют корпус работ, посвященных анализу диаспор как негосударственных акторов мировой политики. Анализируется институционализация диаспоральной политики Индии с 1999 по 2023 г., в частности внесение изменений в законодательство о гражданстве и об избирательном праве, создание и реформы профильных министерств и структур в правительстве, специализированных фондов, установление особых календарных дат. Исследование опирается на неинституциональный анализ и раскрывает последовательность действий правительства Индии, которые ведут к изменению неформальных норм осуществления диаспоральной политики. Авторы приходят к выводу, что формирование подобной инфраструктуры, направленной на активизацию связи эмигрантов со страной происхождения и их приобщение к строительству национального государства, можно осмыслить в терминах «дистанционного национализма». Анализ экономического измерения диаспоральной политики Индии, в том числе мер по либерализации экономики для притока диаспоральных инвестиций, двусторонних соглашений об экономическом положении экспатов, поправок в бюджетное законодательство, а также выпуска диаспоральных облигаций, позволил авторам сделать вывод, что Индия фактически открыла диаспоре доступ не только к финансированию потребления домохозяйств и отдельных местных проектов, но и к обеспечению макроэкономической стабильности, что в целом нехарактерно для отношений государств и диаспор. Также осмысляются трансформации политики Индии в отношении диаспоры с момента прихода к власти правительства Н. Моди в 2014 г. Авторы делают вывод, что при правительстве Н. Моди диаспоральная политика стала утрачивать

© Лошкарёв И.Д., Белякова А.О., Саакян Т.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

автономию и низводиться до отдельных задач внешней и инвестиционной политики государства. Таким образом, одной из ключевых тенденций развития диаспоральной политики Индии является переход от практик «дистанционного национализма» к экономическому национализму, который подразумевает прямую связь между принадлежностью к диаспоральному сообществу и участием в развитии территории происхождения.

Ключевые слова: диаспоральная политика, индийская диаспора, дистанционный национализм, экономический национализм, негосударственные акторы

Для цитирования: Лошкарёв И.Д., Белякова А.О., Саакян Т.С. От дистанционного национализма к экономическому: диаспоральная политика Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 917–927. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-917-927>

From Long-Distance to Economic Nationalism: India's Diaspora Politics

Ivan D. Loshkariov , Arina O. Beliakova , Tigran S. Saakian

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ivan1loshkariov@gmail.com

Abstract. Based on the vast empirical material of India's diaspora policy, which is understudied in the Russian academic field, the authors of the research enrich the scope of works dealing with the analysis of diasporas as non-state actors in the world politics. The study analyzes the institutionalization of India's diaspora policy between 1999 and 2015, particularly the amendments to the citizenship legislation and electoral legislation, the establishment and reforms of specialized ministries, governmental structures and funds, introducing special celebration days. The study is based on neo-institutional analysis and reveals the sequence of actions of Indian governments that lead to the transformation of informal norms for the implementation of diaspora policies. Authors argue that shaping such infrastructure aimed at reviving the ties between emigrants and their country of origin, as well as involving emigrants into building a nation-state might be perceived as “long-distance nationalism”. Having analyzed the economic dimension of India's diaspora policy, particularly the economic liberalization measures aimed at stimulating diaspora investment inflow, bilateral agreements on expatriates' economic condition as well as emitting diaspora obligations the authors conclude that not only has India provided its diaspora with the access to funding households' consumption and sporadic local projects, but also it has let the diaspora ensure the country's macroeconomic stability, which is uncharacteristic of relations between diasporas and their countries of origin. The study also elaborates on the directions in which India's diaspora policy has changed since N. Modi came to power. The authors come to the conclusion that since then diaspora policy has been losing its autonomy and has been reduced to accomplishing separate foreign and investment policy tasks. Thus, a major trend in India's diaspora policy is the transition from “long-distance nationalism” practices to economic nationalism that implies a direct link between affiliation with a diaspora community and contribution to the development of the country of origin.

Keywords: diaspora policy, Indian diaspora, long-distance nationalism, economic nationalism, non-state actors

For citation: Loshkariov, I.D., Beliakova, A.O., & Saakian, T.S. (2023). From long-distance to economic nationalism: India's diaspora politics. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 917–927. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-917-927>

Введение

Классик конструктивизма в теории международных отношений М. Финнемор провозгласила в своей фундаментальной работе 1996 г.: «...диаспоры в основном побуждаются к действию под воздействием идентичности, они, главным образом, влияют на страны происхождения через внутреннюю политику; они часть более крупного международного сообщества и действуют как негосударственные акторы» [Finnemore 1996: 144]. Впоследствии этот тезис был раскрыт в работах многих исследователей: Й. Шеина, М. Коиновой, Ф. Адамсон и др. Сегодня диаспоры получили признание как объект международных исследований — прежде всего, в рамках неолиберальной и конструктивистской школы теории международных отношений [Shain 2003; Koinova 2013; Adamson 2007]. Воздействие таких общностей на покинутую Родину зависит от степени эмоциональной интенсивности диаспоральной идентичности, соотношения между диаспоральными активистами и пассивным меньшинством, особенностей политического устройства государств происхождения и т.д. [Baser 2015: 22; Sheffer 2003: 148–193].

Изучения заслуживают и реакции государств происхождения на многообразные и участвовавшие контакты участников диаспор и их родственников в странах происхождения, новые экономические и политические институты мира диаспор, а также процессы социальной и политической мобилизации, которые приобретают трансграничный характер [Ragazzi 2014]. Примерно с начала XXI в. государства начали налаживать взаимодействие со своими диаспорами различными способами: от практик «внешнего гражданства» до организации туристических поездок в праздничные дни. По мере ознакомления с феноменом диаспор государства осознали необходимость координации усилий и формирования отдельной отрасли государственной политики (англ. policy) — диаспоральной политики [Gamlen 2014; Délano 2019]. В России данная политика получила название поддержки соотечественников за рубежом.

Одним из пионеров диаспоральной политики сегодня остается Индия. Индийская диаспора насчитывает более 30 млн человек, что составляет существенный ресурс для дальнейшего развития Индии. **Цель данного исследования** — рассмотреть динамику изменений мотивов и институтов диаспоральной политики Индии.

Институциональное оформление диаспоральной политики Индии (1999–2015)

Диаспоральная политика подразумевает создание формальных политических институтов и статусов, которые позволяют государству вступать в диалог с диаспорой, а диаспорам — расширять и фиксировать свои возможности в стране происхождения [Gamlen 2014].

Нередко важным этапом в создании подобной институциональной инфраструктуры служит включение термина «диаспора» (или близкого по смыслу) в конституции государств. В Конституции Индии лишь в отдельных нормах

(статья 8 части II) отмечается, что на гражданство могут претендовать потомки тех, кто проживал на территории Индии в границах 1935 г., но только потомки во втором и третьем поколении¹. Чтобы исключить из-под действия этой нормы жителей Бангладеш, Пакистана и неконтролируемой территории Кашмира², закон «О гражданстве» 1955 г. и поправки к нему вопреки Конституции устанавливают принцип «права крови», предоставляя права на получение гражданства «лицам индийского происхождения».

Для разрешения противоречий и расширения возможностей сотрудничества с диаспорой власти Индии предложили формат «зарубежного гражданства». До 2015 г. существовало два статуса в рамках этого формата: «лица индийского происхождения» (англ. Person of Indian Origin, PIO) и «заморские граждане Индии» (англ. Overseas Citizen of India, OCI). Один статус был утвержден в 1999 г., другой — в 2005 г. Их ключевым отличием была необходимость регистрации, доступность для семьи заявителя и срок действия. В итоге за период 2005–2011 гг. статус OCI получили свыше 1 млн человек, а статус PIO в 1999–2011 гг. — всего 52 тыс. человек [Raj 2015: 166; Tigau et al. 2017: 194].

Еще один формальный институт — особые календарные даты. С 2003 г. 9 января, в память о возвращении в этот день в 1915 г. Махатмы Ганди на Родину из Южной Африки, в Индии отмечается «День индийской диаспоры», символизирующий значимость диаспоры в жизни и развитии страны. В этот день проводится конференция с участием руководства страны и награждение наиболее видных представителей диаспоры.

Для разработки конкретных аспектов диаспоральной политики в 2000 г. в Индии был учрежден правительственный комитет высокого уровня. В 2002 г. комитет выпустил доклад о необходимости выделения работы с диаспорой в отдельное направление государственной политики и важности сочетания политических и социальных инструментов вовлечения диаспоры. В соответствии с рекомендациями доклада уже в мае 2004 г. в Индии было создано Министерство по делам нерезидентов Индии (англ. The Ministry of Non-Resident Indians' Affairs), затем переименованное в Министерство по делам заморских индийцев (англ. The Ministry of Overseas Indian Affairs) [Pradhan 2020: 153–154; Галищева 2010]. Примечательно, что акцент в названии сместился с людей на процессы. Позиционируя себя как «министерство услуг», оно предоставляло информацию, выстраивало партнерские отношения и оказывало многоплановое содействие иностранным индийцам-нерезидентам и лицам индийского происхождения.

Индия также стала заключать со странами пребывания диаспоры соглашения о социальном обеспечении и трудовой мобильности, чтобы защитить права индийских мигрантов и лиц индийского происхождения

¹ The Constitution of India // Constitution of India. URL: <https://www.constitutionofindia.net/read/> (accessed: 16.04.2023).

² Другие нормативные акты также ограничивают получение гражданства Индии выходцами из Афганистана, Бутана, Ирана, Китая, Непала и Шри-Ланки.

и исключить двойные выплаты в социальные фонды. Помимо этого, были созданы Фонд социального обеспечения индийской общины (англ. Indian Community Welfare Fund) для предоставления услуг в странах пребывания, Ресурсный центр зарубежных работников (англ. Overseas Workers' Resource Centre) для помощи в переезде в Индию потенциальным репатриантам и их семьям, Центр содействия заморским индийцам (англ. Overseas Indian Facilitation Centre) для сопровождения инвестиционных проектов и установления связей В2В [Tigau et al. 2017].

Важной вехой в диаспоральной политике Индии стало предоставление гражданам-нерезидентам избирательных прав в 2011 г. Для более старых общин в диаспоре этот шаг не имел большого значения, но он восстановил канал взаимодействия с трудовыми мигрантами, выехавшими во второй половине двадцатого столетия и сохранившими индийское гражданство.

Создание такой институциональной инфраструктуры свидетельствовало о том, что Индия поддерживает практики принадлежности, рассматривающие лиц индийского происхождения как часть проекта строительства национального государства. В рамках этой стратегии сознательно размывались религиозные, этнические, кастовые и региональные различия и формировался «дистанционный национализм» — самосознание людей в эмиграции, которое «схлопывает» многоуровневые идентичности, активизирует связь людей с «землей предков» и отделяет их от политической нации страны пребывания [Jaffrelot 2007; Conversi 2012]. Как отмечал автор термина Бенедикт Андерсон, подобная идентичность маргинализирует мигрантов и их потомков, но позволяет им приобрести статус героя на территории происхождения [Anderson 1998].

Экономическое измерение диаспоральной политики Индии

Индийская диаспора играет огромную роль в жизни Индии и индийской экономики. Так, в 2021 г. объем финансовых перечислений мигрантов в Индию превысил 89 млрд долл. США, составив около 13 % всех мигрантских перечислений в мире и 3,2 % ВВП Индии³. Финансовое значение диаспоры для Индии возрастает: в 1990 г. зарубежные индийцы перевели в страну 2,3 млрд, в 2000 г. — 12,3 млрд, а в 2006 г. — уже более 23 млрд долл. США [Лунев 2008]. С 2004 г. Индия занимает первое место в мире по объему перечислений, что способствует макроэкономической стабильности [Галищева 2012].

Для повышения деловой и инвестиционной привлекательности страны для диаспоры правительством были предприняты меры по либерализации экономики. По данным Резервного Банка Индии за 2010 г., из общего объема денежных

³ A Wan in a Pandemic. Migration and Development Brief 36, May 2022 // KNOMAD. URL: https://www.knomad.org/sites/default/files/2022-07/migration_and_development_brief_36_may_2022_0.pdf (accessed: 16.04.2023).

переводов индийской диаспоры на долю инвестиций в недвижимость, ценные бумаги и паевые фонды приходилось не менее 7–8 % средств [Mishra 2016].

Помимо заключения соглашений об исключении двойного налогообложения с более чем 86 странами, в том числе странами с крупнейшими диаспорами, власти Индии в 2020 г. внесли поправку в бюджетное законодательство об освобождении индийских экспатов от уплаты налога с доходов, полученных за рубежом⁴.

С целью привлечения финансовых ресурсов извне индийское правительство также выступило с серией эмиссий государственных облигаций (1991, 1998, 2000), доступных исключительно представителями индийской диаспоры. Общая сумма привлеченных средств превысила 80 млрд долл. США, увеличив золотовалютные резервы страны в четыре раза и тем самым способствуя выходу из кризиса.

Однако в случае с Индией эмиссия данного типа ценных бумаг выступала скорее временным механизмом, не став постоянной практикой [Naujoks 2017: 96–97]. Поэтому вместе с диаспоральными облигациями правительство Индии пыталось наладить другие схемы привлечения капитала, прежде всего создавая условия для открытия нерезидентами банковских счетов в рупиях, а позднее и в иностранной валюте [Галищева 2012].

Таким образом, власти Индии рассматривают экономические контакты как один из основных способов поддержания общности государства происхождения и диаспоры. Фактически диаспоре был открыт доступ к обеспечению макроэкономической стабильности, что в целом нехарактерно для отношений государств и диаспор.

«Модификация» диаспоральной политики Индии (2014–2023)

После прихода к власти правительства Н. Моди в 2014 г. диаспоральная политика Индии значительно изменилась: новые власти взяли курс на оптимизацию работы государственных органов. Во-первых, в 2016 г. Министерство по делам заморских индийцев было расформировано, а его функции были переданы в МИД ввиду пересечения функций двух министерств. Во-вторых, в 2015 г. был распущен Глобальный консультативный совет лиц индийского происхождения при премьер-министре, который разрабатывал рекомендации по вопросам диаспоральной политики, в том числе по передаче знаний, навыков и инвестиций⁵. В-третьих, Индийский Совет по делам заморских работников был преобразован в Индийский центр

⁴ Indian expats won't pay tax here on overseas income // *The Times of India*. March 24, 2020. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/74783527.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 16.04.2023).

⁵ PM's Global Advisory Council of People of Indian Origin suspended // *The Economic Times*. January 09, 2015. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/pms-global-advisory-council-of-people-of-indian-origin-suspended/articleshow/45817558.cms> (accessed: 16.04.2023).

по миграции. Из консультативной структуры с размытыми полномочиями был создан «мозговой центр» по более узкой диаспоральной проблематике. Наконец, в 2015 г. статус «лиц индийского происхождения» был приравнен к статусу «заморского гражданина Индии», что устранило политическую и правовую двойственность статусов участников диаспоры. Данные меры способствовали оптимизации административного аппарата, разграничению сфер ведения и установлению четкой ответственности за взаимодействие с диаспорой.

Став премьер-министром, Н. Моди во время своих зарубежных поездках начал чаще выступать перед местной индийской общиной, настаивая на формуле «демократия, демография и спрос» (3D: democracy, demography, demand), в рамках которой диаспора может в большей степени обеспечить прогресс на двух последних направлениях [Srinivas 2019: 83–86].

Другое новшество возникло после перехода диаспоральной политики в ведение МИД Индии: оформилось более патерналистское отношение к диаспоре и стремление придать дополнительное идеологическое обоснование ее участию в экономическом развитии страны. В 2015 г. государственный секретарь МИД (позднее — министр) С. Джайшанкар сформулировал доктрину «пяти инструментов государства», согласно которой будут более активно использоваться новые нарративы, лексикон, восприятие, мягкая сила и диаспора для повышения роли Индии в международных делах. Заявления и документы индийских властей стали больше отождествлять индийцев и индуистов, формировать нарратив об Индии как *национальном индуистском государстве*, продвигать тезисы о «самой большой демократии в мире» и «восхождении Индии».

С одной стороны, эта новация позволила более четко выявить социальные границы диаспоры, дополнить светский национализм религиозным компонентом и усилить политическую мобилизацию под конкретные задачи. Но, с другой стороны, замена «индийского» на «индуистское» привела к появлению новых разделительных линий в диаспоре и к ориентации государственной политики на более «молодые» сегменты диаспоры: мигрантов в первом, втором и третьем поколении [Kinnvall 2021: 194–199; Ogden 2018].

Параллельно правительство Моди постепенно отходит от логики разделения представителей диаспоры и иностранцев. Представителям диаспоры предлагается инвестировать в Индию, посещать страну и т.д. *наравне* с другими иностранцами [Naujoks 2017].

В целом правительство Моди заметно интенсифицировало работу в рамках диаспоральной политики. Однако проведенные преобразования и внедряемые новации фактически выполняют две задачи: увеличить поток мигрантских перечислений и иных форм капитала в Индию, но при этом размыть политико-правовой статус участников диаспоры. Тем самым на институциональном уровне связь диаспоры со страной происхождения искусственно ослабляется и заменяется временными эффектами от политической мобилизации в рамках «индуистского национализма».

Заклучение

За последние десятилетия диаспоральная политика Индии приобрела ряд интересных черт. Во-первых, власти Индии предпринимают существенные попытки усилить интерес диаспоры к территории происхождения, активно работают с конструированием новой национальной и диаспоральной идентичности, но, при этом ограничивают политическое участие представителей диаспоры и перенаправляют их активность в экономическую сферу.

Во-вторых, ранняя диаспоральная политика Индии стремилась сконструировать идентичность диаспоры с учетом шаткого баланса «права земли» и «права крови», что позволяло ослабить значение религиозных, этнических, кастовых и региональных различий. При правительстве Н. Моди активизировались усилия по созданию индуистского националистического проекта, который включает, прежде всего, участников последних волн миграции из Индии. В новой конструируемой идентичности несколько парадоксально увязываются вопросы конструирования политической нации и экономической выгоды.

Наконец, в-третьих, диаспоральная политика Индии сначала резко выделилась в отдельную отрасль государственной политики, но при правительстве Н. Моди стала утрачивать эту автономию и все больше низводится до отдельных задач внешней и инвестиционной политики государства.

Таким образом, можно зафиксировать отход от практик «дистанционного национализма» и переход к экономическому национализму, который жестко увязывает вопросы участия в диаспоральном сообществе и развития территории происхождения.

Поступила в редакцию / Received: 11.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Галищева Н.В.* Депозиты диаспоры — еще один двигатель экономики Индии // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 7. С. 54–59.
- Галищева Н.В.* Трансграничная миграция. Индийская диаспора: связи с родиной сохраняются // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 9. С. 39–45.
- Лошкарёв И.Д.* Роль диаспор в современной мировой политике // *Вестник МГИМО Университета*. 2015. № 2 (41). С. 127–133. <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126>
- Лунев С.И.* Роль государства в достижениях в сфере информационных технологий в Индии: опыт для России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2008. № 1. С. 38–51.
- Adamson F.B., Demetriou M.* Remapping the Boundaries of ‘State’ and ‘National Identity’: Incorporating Diasporas into IR Theorizing // *European Journal of International Relations*. 2007. Vol. 13, no. 4. P. 489–526. <http://doi.org/10.1177/1354066107083145>
- Anderson B.* *The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the World*. London-New York: Verso, 1998.
- Baser B.* *Diasporas and Homeland Politics: a Comparative Perspective*. London-New York: Routledge, 2015.

- Conversi D.* Irresponsible Radicalisation: Diasporas, Globalisation and Long-Distance Nationalism in the Digital Age // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38, no. 9. P. 1357–1379. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2012.698204>
- Délano Alonso A., Mylonas H.* The Microfoundations of Diaspora Politics: Unpacking the State and Disaggregating the Diaspora // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45, no. 4. P. 473–491. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1409160>
- Finnemore M.* *National Interests in International Society*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996.
- Gamlen A.* Diaspora Institutions and Diaspora Governance // *International Migration Review*. 2014. Vol. 48, no. 1. P. 180–217. <http://doi.org/10.1111/imre.12136>
- Jaffrelot C., Therwath I.* The Sangh Parivar and the Hindu diaspora in the West: What Kind of “Long-Distance Nationalism”? // *International political sociology*. 2007. Vol. 1, no. 3. P. 278–295. <http://doi.org/10.1111/j.1749-5687.2007.00018.x>
- Kinnvall C., Svensson T.* Differentiated Citizenship: Multiculturalism, Secularism and India’s Foreign Policy // *The Interface of Domestic and International Factors in India’s Foreign Policy* / ed. by J.D. Schmidt & S. Chakrabarti. London : Routledge, 2021. P. 191–211.
- Koinova M.* Four types of Diaspora Mobilization: Albanian Diaspora Activism for Kosovo Independence in the US and the UK // *Foreign Policy Analysis*. 2013. Vol. 9, no. 4. P. 433–453. <http://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2012.00194.x>
- Mishra A.* Diaspora, Development and the Indian State. The Round Table // *The Commonwealth Journal of International Affairs*. 2016. Vol. 105, no. 6. P. 701–721. <http://doi.org/10.1080/00358533.2016.1246859>
- Naujoks D.* Paradigms, Policies, and Patterns of Indian Diaspora Investments // *Routledge handbook of the Indian diaspora* / ed. by R. Hegde & A. Sahoo. London: Routledge, 2017. P. 90–103.
- Ogden C.* Tone Shift: India’s Dominant Foreign Policy Aims Under Modi // *Indian Politics and Policy*. 2018. Vol. 1, no. 1. P. 3–23. <http://doi.org/10.18278/inpp.1.1.2>
- Pradhan R., Mohapatra A.* India’s Diaspora Policy: Evidence of Soft Power Diplomacy under Modi // *South Asian Diaspora*. 2020. Vol. 12, no. 2. P. 145–161. <https://doi.org/10.1080/19438192.2020.1712792>
- Ragazzi F.A.* Comparative Analysis of Diaspora Policies // *Political Geography*. 2014. Vol. 41. P. 74–89. <http://doi.org/10.1016/j.polgeo.2013.12.004>
- Raj D.S.* The Overseas Citizen of India and Emigrant Infrastructure: Tracing the Deterritorializations of Diaspora Strategies // *Geoforum*. 2015. No. 59. P. 159–168. <http://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.11.015>
- Shain Y., Barth A.* Diasporas and International Relations Theory // *International Organization*. 2003. Vol. 57, no. 3. P. 449–479. <http://doi.org/10.1017/S0020818303573015>
- Sheffer G.* *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Srinivas J.* Modi’s Cultural Diplomacy and Role of Indian Diaspora // *Central European Journal of International & Security Studies*. 2019. 13 (2). P. 74–90.
- Tigau C., Pande A., Yuan Y.* Diaspora Policies and Co-Development: A Comparison between India, China and Mexico // *Migration Letters*. 2017. Vol. 14, no. 2. P. 189–203. <http://doi.org/10.33182/ml.v14i2.326>

References

- Adamson, F.B., & Demetriou, M. (2007). Remapping the boundaries of ‘state’ and ‘national identity’: Incorporating diasporas into IR theorizing. *European Journal of International Relations*, 13(4), 489–526. <http://doi.org/10.1177/1354066107083145>
- Anderson, B. (1998). *The spectre of comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the world*. London-New York: Verso.

- Baser, B. (2015). *Diasporas and homeland politics: A comparative perspective*. London-New York: Routledge
- Conversi, D. (2012). Irresponsible radicalisation: Diasporas, globalisation and long-distance nationalism in the digital age. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38(9), 1357–1379. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2012.698204>
- Délanon Alonso, A., & Mylonas, H. (2019). The Microfoundations of diaspora politics: Unpacking the state and disaggregating the diaspora. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(4), 473–491. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1409160>
- Finnemore, M. (1996). *National Interests in International Society*. Ithaca, NY: Cornell University Press
- Galishcheva, N.V. (2010). Transboundary migration. The Indian diaspora: Close links with the motherland are preserved. *Asia and Africa Today*, (9), 39–45. (In Russian).
- Galishcheva, N.V. (2012). Deposits of Diaspora Is Another Engine of the Economy of India. *Asia and Africa Today*, (7), 54–59. (In Russian).
- Gamlen, A. (2014). Diaspora institutions and diaspora governance. *International Migration Review*, 48(1), 180–217. <http://doi.org/10.1111/imre.12136>
- Jaffrelot, C., & Therwath, I. (2007). The Sangh Parivar and the Hindu diaspora in the West: what kind of “long-distance nationalism”? *International political sociology*, 1(3), 278–295. <http://doi.org/10.1111/j.1749-5687.2007.00018.x>
- Kinnvall, C., & Svensson, T. (2021). Differentiated citizenship: Multiculturalism, secularism and India’s foreign policy In J.D. Schmidt & S. Chakrabarti (Eds.), *The Interface of Domestic and International Factors in India’s Foreign Policy* (pp. 191–211). London: Routledge.
- Koinova, M. (2013). Four types of diaspora mobilization: Albanian diaspora activism for Kosovo independence in the US and the UK. *Foreign Policy Analysis*, 9(4), 433–453. <http://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2012.00194.x>
- Loshkariov, I.D. (2015). The role of diasporas in the current world politics. *MGIMO Review of International Relations*, 2(41), 120–126. (In Russian) <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126>
- Lunev, S. (2008). The role of a state in the development of the innovation technologies in India: Experience for Russia. *Public Administration Issues*, (1), 38–51. (In Russian).
- Mishra, A. (2016). Diaspora, development and the Indian State. The round table. *The Commonwealth Journal of International Affairs*, 105(6), 701–721. <http://doi.org/10.1080/00358533.2016.1246859>
- Naujoks, D. (2017). Paradigms, policies, and patterns of Indian diaspora investments. In R. Hegde & A. Sahoo (Eds.), *Routledge handbook of the Indian diaspora* (pp. 90–103). London: Routledge.
- Ogden, C. (2018). Tone shift: India’s dominant foreign policy aims under Modi. *Indian Politics and Policy*, 1(1), 3–23. <http://doi.org/10.18278/inpp.1.1.2>
- Pradhan, R., & Mohapatra, A. (2020). India’s diaspora policy: Evidence of soft power diplomacy under Modi. *South Asian Diaspora*, 12(2), 145–161. <http://doi.org/10.1080/19438192.2020.1712792>
- Ragazzi, F. (2011). A comparative analysis of diaspora policies. *Political Geography*, 41, 74–89. <http://doi.org/10.1016/j.polgeo.2013.12.004>
- Raj, D.S. (2015). The overseas citizen of India and emigrant infrastructure: Tracing the deterritorializations of diaspora strategies. *Geoforum*, (59), 159–168. <http://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.11.015>
- Shain, Y., & Barth, (2003). A. Diasporas and international relations theory. *International Organization*, 57(3), 449–479. <http://doi.org/10.1017/S0020818303573015>
- Sheffer, G. *Diaspora politics: At home abroad*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

- Srinivas, J. (2019). Modi's cultural diplomacy and role of Indian diaspora. *Central European Journal of International & Security Studies*, 13(2), 74–90.
- Tigau, C., Pande, A., & Yuan, Y. (2017). Diaspora policies and co-development: A comparison between India, China and Mexico. *Migration Letters*, 14(2), 189–203. <http://doi.org/10.33182/ml.v14i2.326>

Сведения об авторах:

Лошкарёв Иван Дмитриевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-7507-1669)

Белякова Арина Олеговна — преподаватель кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: arinabeliakowa@yandex.ru) (ORCID: 0009-0006-8510-7406)

Саакян Тигран Сасунович — аспирант, МГИМО МИД России (e-mail: saakyan.ts@mail.ru)

About the authors:

Ivan D. Loshkariov — PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-7507-1669)

Arina O. Beliakova — Lecturer at the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: arinabeliakowa@yandex.ru) (ORCID: 0009-0006-8510-7406)

Tigran S. Sakian — Postgraduate student, MGIMO University (e-mail: saakyan.ts@mail.ru)